

РАКУРСЫ: РОССИЙСКИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В СРАВНИТЕЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

А.И. КУБЫШКИН, А.А. СЕРГУНИН ИДЕОЛОГИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Дебаты между славянофилами и западниками, евразийцами и их оппонентами, считавшиеся раз и навсегда ушедшими в прошлое, вновь оказались актуальными в постсоветской России.

Идеи «особости» России, ее «непохожести» на другие цивилизации и культуры (особенно на Запад), наличия у нее особой исторической и / или культурной «миссии» одинаково близки и официальным кругам, и «системной» политической оппозиции (КПРФ, «Справедливая Россия» и ЛДПР). Предметом споров является не сам факт исключительности России и ее «особого предназначения», а смысловое наполнение этого концепта. Даже российские либералы (в том числе и ряд представителей «несистемной» оппозиции), настаивающие на предпочтительности прозападной ориентации внутри- и внешнеполитического курса страны, признают необходимость учитывать эту российскую уникальность, правда, воспринимаемую ими преимущественно в негативном ключе – как консерватизм менталитета, неспособность быстро адаптироваться к меняющимся условиям.

В связи с этим неизбежно возникают вопросы: чем объяснить популярность идеологии исключительности в современной России? Как она влияет на международный курс нашей страны?

Сохранит ли она свою популярность в обозримом будущем или это – дань быстротечной интеллектуальной моде?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо начать с анализа исторических корней этого феномена и рассмотрения его в более широком (не только российском) интеллектуальном контексте.

Концепция «особого пути» России: Исторический экскурс

Эта концепция восходит своими корнями к знаменитой формуле «Москва – Третий Рим, а четвертому не быть», послужившей философско-религиозной основой мессианских представлений о роли и значении России, которые сложились в период возвышения Московского княжества. Московские великие князья, притязавшие, начиная с Иоанна III, на царский титул, полагались преемниками римских и византийских императоров и нуждались в идейной доктрине, обеспечивавшей легитимность этих претензий. Эта теория со временем вышла за рамки чисто монархических интересов и превратилась в ведущую геополитическую концепцию России (особенно при решении так называемого «восточного вопроса»).

«Ранние» славянофилы первой половины XIX в. (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин) были первыми, кто, собственно говоря, сформулировал идею «особого пути» России в противовес западному (капиталистическому) пути развития. Характерно, что с самого начала концепция «особого пути» имела мессианский внешнеполитический аспект [Tsygankov, 2012]. Славянофилы считали, что Россия, развиваясь по этому пути, сможет донести православную истину до впавших в ересь и атеизм европейских народов.

Концепции «Третьего Рима» и «особого пути» активно использовали также «поздние» славянофилы (Н. Данилевский, Н. Страхов, К. Леонтьев) и близкие к ним мыслители второй половины XIX – начала XX в. – В. Соловьёв, Н. Бердяев и др. Эти философы, жившие в период кульминации «восточного вопроса» в европейской политике, считали представление о Московской Руси как наследнице Рима и Византии аксиомой, которая не требовала особых доказательств. На этом основании Н. Данилевский, например, предлагал сделать «освобожденный» Константинополь «новым

Царьградом», столицей Всеславянского Союза [Данилевский, 1895, с. 418–419]. Сама же Россия должна стать лидером этого союза.

Н. Данилевского можно по праву считать одним из основателей цивилизационного подхода в отечественной обществоведческой мысли. Цивилизацией, которую он считал культурно-историческим типом, является совокупность народов, обладающих языковой, территориальной, культурной и нравственно-психологической общностью. Культурно-исторические типы основаны на национальной идее, которая, в свою очередь, опирается на соответствующую религию. Н. Данилевский вывел «закон сохранения запаса исторических сил», смысл которого заключается в том, что в начале развития цивилизации ее выживание и дальнейшее поступательное развитие идут лишь на тех территориях, которые выгодно расположены в географическом отношении и защищены от внешних угроз естественными условиями [Данилевский, 1895, с. 477]. Согласно другому предложенному им закону – «закону защиты пространства с помощью дисциплинированного энтузиазма», – выживают только те цивилизации, которые в момент опасности обладают должным энтузиазмом для борьбы с угрозой и умеют сплачиваться вокруг своих правителей [там же, с. 501]. Все эти качества, по мнению Н. Данилевского, присущи русскому народу, они же придают ему уникальность и самобытность.

Наследником славянофилов стало евразийство, сложившееся как идейное течение в русской эмигрантской среде 1920–1930-х годов. Это учение исходило из того, что Россия занимает срединное положение между Европой и Азией и представляет собой особый социокультурный мир, в котором соединяются Запад и Восток при доминирующей роли Востока [Tsygankov, 2012]. При этом сталинский СССР евразийцы рассматривали как продолжение Российской империи, не придавая особого значения господствовавшей там коммунистической идеологии.

Вслед за славянофилами и евразийцы придерживались антизападных взглядов. По их мнению, Запад давно потерял моральное право на мировое лидерство, и в то же время он постоянно оспаривает главенствующую роль России в Евразии, мешая ей выполнять ее историческую миссию «моста» между восточной и западной цивилизациями [Трубецкой, 1920].

Однако евразийство имело ряд серьезных отличий от славянофильства. Евразийцы отрицали существование славянского

культурно-исторического типа и считали, что культуры туранских народов, связанных с русскими общей исторической судьбой, ближе к русской культуре, чем культуры западных славян (чехи, поляки) [Трубецкой, 1925; Малинова, 2009, с. 62–64]. Евразийцы отвергали также и панславистский политический проект, вместо него они предлагали создать федеративное евразийское государство в границах СССР до 1939 г. (с включением в него Монголии).

Таким образом, начиная с XIX в. в российском внешнеполитическом дискурсе сформировалось устойчивое и влиятельное направление, основанное на идеях исключительности. В XX в. это течение получило продолжение, хотя и было вынуждено «переключаться» из Советской России в эмиграцию.

Идеология исключительности: Зарубежный вариант

Идея «особого пути» во внешнеполитическом дискурсе далеко не нова и не является прерогативой только России, как это ни стараются доказать отечественные сторонники этой доктрины. Поиски «особого пути», обоснование своей исключительности были характерны для различных стран и наций или в периоды формирования их национально-государственной идентичности, или тогда, когда перед ними стояла задача осуществления масштабной модернизации их социально-экономической и политической систем и самоутверждения на мировой арене.

Как отмечает С. Сергеев, мессианизм присущ практически всем христианским народам, претендовавшим на видную роль в мировой политике [Сергеев, 2009]. Так, идея о «Третьем Риме», основанная на концепции «переноса империи» (*translatio imperii*), активно использовалась для легитимации притязаний тех или иных европейских монархий на преемственность по отношению к Византии. Например, в XIV в. сербский царь Стефан Душан и болгарский царь Иоанн-Александр, имевшие родственные связи с византийской династией, объявляли себя наследниками Рима. Французы старались не отставать от своих соперников по части мессианизма. В одном из французских политических трактатов XV в. говорилось: «Франция – наследница Рима, и другой империи никогда более не бывать» [Сергеев, 2009]. Звучит совсем как цитата из русской геополитическо-религиозной доктрины, родившейся примерно в то же самое время. Вслед за французскими португаль-

ские мессианисты XVII в. именовали свою страну не иначе, как последняя тысячелетняя *Пятая империя*. В Англии в XVI–XVIII вв. была чрезвычайно популярна много раз переизданная «Книга мучеников» Джона Фоукса, в которой утверждалось, что англичане – избранный народ, предназначенный восстановить религиозную истину и единство христианского мира.

Идеи мессианизма получили прочную «прописку» и в американской политической культуре, где они развивались в виде доктрины «американской исключительности» [Концепция «американской исключительности», 1993]. Истоки этой доктрины лежат в пуританской политической мысли США, оправдывавшей сопротивление американских колоний британской короне.

Впервые идею «американской исключительности» в цельном виде сформулировал французский путешественник и писатель А. де Токвиль. В своей широко известной книге «Демократия в Америке» он писал об особой американской идеологии, базировавшейся на принципах свободы, эгалитаризма, индивидуализма, популизма (народности) и свободы предпринимательства [Токвиль, 1992].

Позже к этим характеристикам американской «особости» добавились такие черты, как отсутствие феодальных традиций, пуританские корни американской идеологии, революционно-республиканские основы государственности США, особая роль миграции в создании американской нации, фронтьеризм (доктрина «подвижной границы»), необычайно высокая мобильность американцев и пр. [Печуров, 2011]. В своей широко известной работе «Конец американской исключительности» Д. Белл среди основных элементов «особости» США назвал «землю, равенство, пространство и безопасность, материальное изобилие, двухпартийную систему и конституционализм» [Bell, 1975, p. 196].

Доктрина «исключительности» служила для молодой американской нации прежде всего инструментом выработки национальной идентичности, причем преимущественно на конфронтационной основе – через противопоставление себя другим этносам и государствам. Это привело к появлению других доктрин, сходных по смыслу, но подчеркивавших превосходство Америки над другими нациями и ее экспансионизм. США стали описываться как с трудом достижимый образец («сияющий город на холме»), которому бы хотели подражать другие страны и народы. Особенно аг-

рессивный характер имела концепция «явного предназначения» (Manifest Destiny), появившаяся в 40-х годах XIX в. и не раз служившая Вашингтону оправданием территориальных приращений и экспансии по всему миру.

До сих пор многие в США (причем независимо от принадлежности к той или иной внешнеполитической школе) искренне верят в то, что их стране принадлежит особая историческая миссия по продвижению идей демократии и прогресса по всему миру. Так, в своей книге с характерным названием «Обреченные на лидерство. Меняющаяся природа американской мощи» [Nye, 1991] Дж. Най, известный американский теоретик неолиберального направления, попытался обосновать необходимость американского лидерства в условиях окончания «холодной войны» и исчезновения второй супердержавы. Появившаяся несколько позже концепция Дж. Нае «мягкой силы», по сути дела, преследовала ту же самую цель – обоснование «особости» США. По мнению американского политолога, США обладают «мягкой силой» прежде всего потому, что они имеют привлекательную (для других) экономическую и политическую модель, а также систему ценностей, культуру и дипломатию [Nye, 2004, p. 11].

Примечательно, что в последнее время наметилась тенденция к совпадению во взглядах на «особую роль» США в современной мировой политике неолиберализма со своим извечным «противником» по теоретическим спорам – неореализмом. В 2004 г. была опубликована работа еще одного известного американского политолога-неореалиста Ч. Краутхаммера (также с весьма говорящим названием – «Демократический реализм. Американская внешняя политика для однополярного мира») [Krauthammer, 2004]. Его книга подтвердила тенденцию к синтезу двух ведущих парадигм американской теории международных отношений по вопросу о лидерстве и особой роли США в современной системе международных отношений. По сути дела, обе школы выступают за необходимость подобного лидерства, хотя и расходятся в вопросах о его масштабах и методах обеспечения [Коньшев, Сергунин, 2013, с. 74–75].

«Особость» США постоянно подчеркивается и на официальном уровне. Так, в стратегии национальной безопасности Б. Обамы (2010) откровенно говорится, что «мы должны осуществлять стратегию национального возрождения и глобального лидерства – стратегию, которая воссоздает заново основу американ-

ских мощи и влияния» [National security strategy of the United States, 2010, p. II]. Подчеркивается, что «сила американского примера всегда помогала распространению свободы и демократии за рубежом» [ibid, p. 13]. Не скрывается и конечная цель этой стратегии – обеспечение национальных интересов США. Правда, в отличие от многих своих предшественников, Б. Обама понимает, что «исключительность» часто оборачивается бременем особой ответственности США за свои инициативы. И не раз, как признавал сам Б. Обама, в истории США бывало, что Вашингтон, стремясь подтвердить статус мирового лидера, «перенапрягал» свои силы.

Интересно отметить, что за время своего существования доктрина «американской исключительности» претерпела любопытную эволюцию. Начав с отстаивания своего права на отличие от парадигмы развития Старого Света, США ныне претендуют на то, чтобы стать универсальной моделью для всего мира, образцом для подражания. То есть указанная доктрина из «оборонительной» превратилась в «наступательную» (если не сказать, агрессивную).

Менее радикальный вариант мессианизма – идея всемирности, всечеловечности – также была популярна не только в России, но и у многих других народов, пытавшихся в тот или иной исторический момент утвердить себя на мировой арене (Фихте – в Германии, Мишле – во Франции). Не меньшей популярностью пользовался и концепт того или иного этноса как «молодого народа», призванного обновить человечество. Об этом много говорится, например, в учениях немецких философов Ф. Ницше и геополитика К. Хаусхофера.

Идеология исключительности: Постсоветские концепции

Распад СССР, возникновение России как новой общности, не имевшей четко определенных ориентиров развития и социального идеала, вновь возродили интерес к идее «особого пути». Россия опять оказалась в ситуации поиска своей «новой идентичности» [Малинова, 2009, с. 84–182]. В этих условиях многим казалось, что идея российской уникальности является надежной интеллектуальной опорой в эти «смутные времена».

На протяжении последних двух десятилетий сложились несколько направлений (школ), активно разрабатывавших эту тема-

тику, предлагавших свои варианты построения российского внешнеполитического курса и по-своему объяснявших место России в общемировой цивилизации [Сергунин, 2003; Sergunin, 2004].

Первым направлением, которое попыталось более или менее стройно обрисовать «особый путь» России в мировой политике в постсоветский период, было *«неоевразийство»*, представлявшее своеобразную смесь геополитики с цивилизационным подходом [Tsygankov, 2012]. Оно возникло в значительной степени как реакция на преобладавший в первые годы правления Б.Н. Ельцина российский вариант «атлантизма» с его однозначной ориентацией на всестороннее сотрудничество с Западом (прежде всего, с США).

Несмотря на многочисленные теоретические разногласия, «неоевразийцы» в целом были единодушны в том, что России уготована особая историческая миссия. В силу своего геополитического (евразийского) положения и особенностей историко-культурного развития Россия, по их мнению, «обречена» на роль «моста» между двумя цивилизациями – Востоком и Западом. Россия соединяет в себе черты обеих цивилизаций и потому в современных условиях естественным образом выдвигается на роль посредника между ними и – одновременно – гаранта евразийской стабильности. Отметим, однако, что некоторые «неоевразийцы» (в основном, принадлежавшие к «славянофильской» традиции, – Э. Поздняков, А. Дугин) считали, что Россия – не просто «мост» между Востоком и Западом, а сама является особой («третьей») цивилизацией, развивающейся по своему уникальному пути.

«Неоевразийцы» считали, что однозначная ориентация России на Запад в период господства «атлантистов» являлась стратегической ошибкой и что Москва должна строить свою внешнюю политику по обоим геополитическим направлениям. «Неоевразийцы» были согласны со своими оппонентами-либералами, что от Востока исходит немало угроз России, и поэтому необходимо уделять самое пристальное внимание этому региону в плане обеспечения национальной безопасности. Однако, в отличие от «атлантистов», они видели в Востоке не только угрозу, но и возможность для России сыграть свою роль в мире и получить от сотрудничества со странами этого региона многочисленные выгоды в экономической, военно-политической, культурной и прочих областях. «Неоевразийцы» подчеркивали, что Россия издавна связана со многими вновь образовавшимися государствами Кавказа и Средней

Азии, а их экономики и общества тесно переплетены. Учитывая, что развитые страны Запада не торопятся принимать Россию в свое сообщество, было бы неразумным терять традиционные связи с бывшими советскими республиками, а также развивающимися странами Азии и Африки. К тому же на Востоке расположены не только слаборазвитые страны, но и так называемые новые индустриальные страны (Южная Корея, Тайвань, страны АСЕАН), а также такие экономические гиганты, как Япония и Китай.

«Неоевразийцы» одними из первых стали утверждать, что для России СНГ должно стать геополитическим приоритетом номер один. Они также постарались привлечь внимание как политиков, так и общественности к положению русскоязычного населения на постсоветском пространстве, требуя от российского руководства защитить соотечественников за рубежом [Pleshakov, 1993, p. 22–23].

Несомненной заслугой «неоевразийцев» было и то, что они одними из первых ввели в оборот и постарались расшифровать такие базовые понятия для теории международных отношений, как «национальные интересы» и «национальная безопасность». Предшествующие школы, включая «атлантизм», не уделяли должного внимания этим категориям.

Вместе с тем «неоевразийская» интерпретация этих понятий зачастую страдала ненаучностью и имела явный налет романтизма. Так, С.Б. Станкевич следующим образом увязывал понятие «национальные интересы» с другим – не совсем научным – понятием «национальная идея»: «Между теми фундаментальными интересами, которые являются неизменными, и теми, которые меняются постоянно, находится набор интересов, который отражает то, что можно назвать “национальной идеей”. Национальная идея – это самоидентификация нации. Это – очень эмоциональная тема, тема, затрагивающая меняющийся ход истории нации. Это – не научно обоснованная система ценностей, а совокупность представлений о прошлом и будущем нации» [Stankevich, 1994, p. 24]. Не совсем понятно, почему национальная идея находится между постоянными и временными интересами и почему она не может включать в себя и те и другие. Также непонятно, почему проводится различие между идентичностью нации и ее системой ценностей, хотя в действительности они тесно связаны. Почему ценности всегда «научно обоснованы», а не могут быть результатом длительного исто-

рико-культурного развития народа (в том числе эмоционального восприятия своего прошлого и будущего)?

Довольно абстрактной являлась характеристика самой российской «национальной идеи». По мнению С.Б. Станкевича, она включает в себя демократию, федерализм и патриотизм. Возникает вопрос: в чем же тогда заключается «евразийская» специфика России? С таким же успехом на роль «моста» между цивилизациями могут претендовать и США, ФРГ, Канада, Индия и многие другие страны, разделяющие демократические принципы и имеющие федеративное устройство.

В то же время нельзя не согласиться с «неоевразийцами», когда они (опять-таки одними из первых) увязывали между собой внутренние и внешние аспекты национальной безопасности и подчеркивали, что ключ к ее обеспечению находится, прежде всего, внутри самой России, а именно – в достижении ее внутренней стабильности [Stankevich, 1994, p. 28].

Как уже отмечалось, среди «неоевразийцев» не было единства по ряду серьезных мировоззренческих и тактических вопросов. Условно можно выделить два самых крупных течения – «демократическое» (или умеренное) и «славянофильское» (или радикальное), которые порой достаточно остро конфликтовали друг с другом.

«*Демократические неоевразийцы*» одно время были близки к администрации Б.Н. Ельцина и не только были популярными в академической среде, но и занимали ряд влиятельных постов в различных правительственных учреждениях и общественно-политических организациях.

В отличие от «славянофилов», «неоевразийцы-демократы» не были против сотрудничества с Западом, если оно будет строиться на принципах равноправия и не будет вредить интересам России на Востоке. По мнению «неоевразийцев», партнерство с Западом несомненно могло бы усилить Россию в ее отношениях с Востоком и Югом, в то время как партнерство с Востоком и Югом даст России независимость в ее отношениях с Западом. Как считала эта школа, давно пора преодолеть историческую дилемму «Восток – Запад» во внешней политике России и развивать сотрудничество по обоим направлениям [Stankevich, 1994, p. 25–26].

«Неоевразийцы-демократы» оказали влияние не только на ход общественных дискуссий середины 1990-х годов, но и на доктринальные основы российской внешней политики. Так, первая

постсоветская концепция внешней политики РФ (1993) явно носит на себе следы воздействия со стороны «неоевразийства». Это особенно чувствуется в разделах, посвященных геополитическим приоритетам России: отношения с СНГ стояли на первом месте; Азиатско-Тихоокеанский и Ближневосточный регионы также были упомянуты среди важнейших [Концепция внешней политики Российской Федерации, 1993].

В отличие от «демократической», *«славянофильская»* версия «неоевразийства» делала акцент не столько на географической, сколько на цивилизационной специфике России. По выражению одного из лидеров этого течения Э.А. Позднякова, «геополитическое положение России не просто уникально (это характерно для любого государства), оно является поистине роковым как для нее самой, так и для всего мира... Важный аспект этой ситуации заключается в том, что Россия, будучи расположенной между двумя цивилизациями, всегда была естественным хранителем цивилизационного равновесия и мирового баланса сил» [Pozdnyakov, 1993, р. 6]. Для выполнения этой исторической миссии Россия должна иметь сильную государственность и проводить внешнюю политику, строго отвечающую ее национальным интересам.

«Славянофилы-неоевразийцы» считают, что Россия не должна ставить вопрос об интеграции ни в восточную, ни в западную цивилизации. Она должна идти своим путем. По словам Э.А. Позднякова, «если Россия хочет сохранить свою великую будущность, она должна остаться Россией. Ей незачем ставить перед собой цель стать Европой или присоединиться к ней. Цель эта столь же абсурдна и ирреальна, как если бы она вздумала присоединиться к Китаю, к Индии или к Японии» [Поздняков, 1994, с. 102]. «Славянофилы» считали, что в своей внутренней и внешней политике Россия должна опираться только на свои собственные силы (тем более, что она богата людскими и материальными ресурсами).

По ряду причин к середине 1990-х годов наступил кризис «неоевразийства» (обеих его версий)¹, и оно практически полностью исчезло с политико-интеллектуального «горизонта» России. Большая часть «неоевразийцев» (особенно «демократов») перешла

¹ О причинах кризиса «неоевразийства» [подробнее см.: Сергунин, 2003, с. 28–31].

в лагерь политического реализма, «славянофилы» же оказались в лоне геополитической школы¹.

Российская *геополитика* перехватила у «неоевразийства» «эстафету» в дискуссиях вокруг «особого пути» и российской «самобытности» [Поздняков, 1994; Дугин, 1997; Нартов, 1999]. Парадоксально, правда, что в качестве источников своего вдохновения они берут не «исконно русских» мыслителей (как это делали «неоевразийцы»), а все больше предпочитают западные геополитические теории (А. Мэхэн, Х. Макиндер, К. Хаусхофер, Н. Спайкмен и пр.)

Особым вниманием у российских геополитиков пользовалась теория Х. Макиндера о Хартленде (сердцевинном регионе), поскольку России, традиционно контролировавшей большую его часть, здесь отводится ключевая роль. Как известно, Макиндер сформулировал суть своей теории в трех знаменитых максимах: «Кто правит Восточной Европой, тот господствует над Хартлендом. Кто правит Хартлендом, тот господствует над Мировым островом. Кто правит Мировым островом, тот господствует над миром». Исходя из этой теории, Х. Макиндер считал, что морские державы не должны допустить контроля над Хартлендом со стороны континентальных держав. На практике это вело к постоянным войнам и переделу сфер влияния. Россия же, занимая срединное место в этой геополитической конструкции, поневоле оказывалась вовлеченной в это глобальное соперничество.

Поскольку Россия в XVIII–XX вв. заплатила немалую цену за эти геополитические «игрища», современные российские геополитики предлагали такой мировой порядок, который бы прекратил бессмысленное и дорогостоящее соперничество и превратил Хартленд в средство стабилизации системы международных отношений. Разумеется, России было бы отведено центральное место в обеспечении безопасности в данном регионе и во всем мире. Развивая теорию Макиндера, Э.А. Поздняков предложил собственную формулировку геополитической максимы и одновременно системы глобальной безопасности: «Тот, кто имеет контроль над Харт-

¹ Впрочем, «славянофильское» направление не исчезло до конца. Оно несколько трансформировалось, сделав акцент на позиционирование России не столько как евразийской, сколько как «православной цивилизации», единственной и настоящей защитницы православных ценностей во всем мире. К этому направлению относятся работы Н.А. Нарочницкой [см., например: Нарочницкая, 2009].

лендом, тот владеет средством эффективного контроля над мировой политикой и прежде всего средством поддержания в мире геополитического и силового баланса. Без последнего немислим стабильный мир» [Поздняков, 1994, с. 282].

Российские геополитики считали, что Запад совершил большую ошибку, взяв курс на передвижение геополитической границы на Восток и раздробление Хартленда. Э.А. Поздняков подчеркивал, что Хартленд не может выполнять свою балансирующую роль в сфере международной безопасности, если он раздроблен на части. В этом случае он сам окажется в состоянии дисбаланса и хаоса, которое может распространиться на остальной мир.

В последние годы А. Дугин предложил особую версию геополитики – так называемую «ресурсную геополитику». Согласно этой теории, сейчас центр соперничества между сухопутными и морскими державами сместился от контроля за территориями в сторону контроля за природными (прежде всего, энергетическими) ресурсами. Задача России – выработать такую ресурсную стратегию, которая бы гарантировала ей достойное место среди мировых держав, но в то же время не делала бы ее зависимой от экспорта нефти и газа [Дугин, 2012].

При всей кажущейся привлекательности геополитических теорий им присущи серьезные методологические просчеты, и к тому же зачастую они оказываются далекими от реальности. Так, дорогая сердцу многим поколениям геополитиков теория Хартленда, создававшаяся в начале XX в. в соответствии с тогдашними географическими, экономическими, научно-техническими, коммуникационными, военными и политико-идеологическими условиями, даже в подновленном виде вряд ли подходит для нынешних реалий. Нелишне упомянуть, что само понятие Хартленда возникло потому, что это была территория, прежде всего стратегически неуязвимая для ударов со стороны морских держав. В эру же ракетно-космического оружия, современных транспортных и коммуникационных средств никто не может считаться неуязвимым.

После распада СССР, мировой социалистической системы и окончания «холодной войны» геополитические приоритеты мировой политики сильно изменились: ныне ведущие державы мира все больше утрачивают интерес к России и Хартленду в маккиндеровском смысле, их взоры обращены на динамично развивающиеся государства Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанский регион

в целом, а также регионы, излучающие нестабильность, – Ближний Восток, Центральную и Южную Азию.

Представляется искусственно надуманным принятое в геополитике деление мира на «морские» и «сухопутные» (континентальные) державы, которые почему-то должны вечно враждовать между собой. В современном мире морское и сухопутное измерения вообще теряют свое бывшее значение и на передний план выходят другие – глобальные средства коммуникации и связанная с ними проблематика. Если и говорить о соперничестве в современном мире, то оно идет, прежде всего, в сфере высоких технологий (особенно информационных технологий), а не за примитивный контроль за географическим пространством.

На рубеже 1990–2000-х годов возникает некая «гибридная» версия идеологии российской исключительности, которая объединила различных адептов российского консерватизма от А.С. Панарина до сторонников так называемого «динамического консерватизма». Этот «гибрид», с одной стороны, вобрал в себя багаж идей «неоевразийства» и геополитики, а с другой – добавил некоторые новые элементы. От «неоевразийства» новый вариант концепции «особого пути» России взял восприятие нашей страны как особой цивилизации, обладающей общемировой культурно-исторической миссией и имеющей равновеликие интересы как на Западе, так и на Востоке (при этом, конечно же, собственные российские интересы должны быть доминирующими, а сама Россия не должна растворяться в других цивилизациях).

От геополитики (и из классического евразийства) «гибрид» заимствовал идею о вековом стремлении Запада (и других «полюсов силы») унизить и расчлениить Россию [Малинова, 2009, с. 159–164]. Задача же Москвы состоит в том, чтобы отразить очередное наступление внешних врагов и восстановить геополитический баланс на выгодных для России условиях [Панарин, 2003].

Добавим, что сторонники консервативной версии идеологии исключительности унаследовали также из классического евразийства многие мировоззренческие установки о необходимости создания «сверхнациональных» (сверхгосударственных) институтов, введения строжайшей и детальной регламентации всех сторон политической, экономической, общественной и культурной жизни, вплоть до регламентации деятельности цирков (!), о зловещем ха-

рактуре политики США в отношении России и т.п. [Русская доктрина, 2008].

Что касается неких новых элементов в «гибридном» варианте доктрины «особого пути», то его сторонники стали делать больший акцент на необходимости духовного возрождения прежде всего русского этноса (и других славянских народов) на основе ценностей Православия [Современный российский консерватизм, 2002]. Это нельзя назвать грубой версией национализма, поскольку в конечном счете это направление политической мысли выступает за процветание всех народов России и формирование в стране наднациональной государственной идентичности (единственно возможной в многонациональной и многоконфессиональной стране). Дело в том, подчеркивают эти авторы, что именно русский народ больше всего пострадал от разрухи последних десятилетий, и возрождение надо начинать именно с него, чтобы он стал своего рода «локомотивом» для развития всего государства в целом [Панарин, 2002].

Еще один новый момент. Предшественники нынешних сторонников «самобытности» (будь то «неоевразийцы» или геополитики) в основном (за редким исключением) ограничивались кабинетным философствованием и письменными обращениями к политикам, которые, как правило, оставались глухими к этим призывам. В отличие от них новое поколение сторонников этой концепции («динамический консерватизм»), пройдя школу практической деятельности в различных сферах государственной, политической и общественной деятельности (бизнес, исполнительная и законодательная ветви власти, государственная служба, СМИ, неправительственные организации и пр.), уже не ограничиваются благими пожеланиями, а предлагают вполне конкретные программы действий. Примером может служить, скажем, так называемый «Сергиевский проект», результатом которого стала некая «Русская доктрина», в которой подробно описываются причины краха советского «проекта», анализируется нынешняя ситуация и, самое главное, содержится детальная программа действий на будущее по выведению страны из кризиса и укреплению ее мировых позиций [Русская доктрина, 2008].

Подчеркнем, что это поколение сторонников «особого пути» было приверженцем современных технологий «социальной инженерии» – сетевого принципа управления и взаимодействия, страте-

гии целеполагания, манипулирования массовым общественным сознанием, использования IT-технологий и пр.¹ Условием успеха реформ в России они считают активное внедрение инновационных технологий, причем не только в экономике, но и в системе социального управления. В отличие от официального подхода, позиция сторонников этой школы заключается в том, что управление инновационными проектами не должно находиться в руках коррумпированных и часто малокомпетентных чиновников, а должно подвергаться строгому общественному контролю и основываться на привлечении имеющих высокую репутацию менеджеров из частного сектора.

Заключение

Современная версия концепции «особого пути» России – это не просто очередной вариант теории «консервативного элитизма», но и серьезная заявка если и не на доминирование в отечественном общественно-политическом дискурсе, то на превращение из маргинальной в достаточно влиятельную школу, от которой уже не удастся отмахнуться.

Об определенном влиянии идеи «особого пути» на официальный дискурс свидетельствует, например, появление концепции «суверенной демократии», авторство которой приписывают бывшему заместителю главы президентской администрации В. Суркову. Риторика об уникальности и самобытности России, ее истории и культуры была присуща обоим президентам послеельцинской поры – В.В. Путину и Д.А. Медведеву. Принятая в феврале 2013 г. новая российская внешнеполитическая доктрина также исходит из посылки о том, что Россия обладает уникальными морально-политическими и культурными качествами, которые являются привлекательными для других народов и которые позволят ей ус-

¹ Современные сторонники концепции «особого пути» имеют собственные веб-сайты, блоги, интернет-издания и пр. В сентябре 2009 г. нашумел случай с открытым письмом одного из лидеров этой школы, Максима Калашникова (Владимира Кучеренко), Президенту РФ Д.А. Медведеву, которое он направил по электронной почте непосредственно главе государства и в котором он предлагал ряд инициатив по развитию инновационного потенциала России [см.: Письмо... 2009].

пешно реализовать стратегию «мягкой силы» [Концепция внешней политики Российской Федерации, 2013].

Как подчеркивают ряд видных российских экспертов (кстати, в целом не разделяющих саму эту концепцию), было бы большой ошибкой объявить представления об «особом пути» простым предрассудком или пережитком прежних «имперских времен» [Кортунов, 2009, с. 92; Пантин, Семененко, 2004, с. 39]. За этими взглядами стоят прочно укоренившиеся в нашем общественном сознании традиции и стереотипы, которые нельзя упрощать или игнорировать. Наоборот, к ним нужно относиться всерьез, глубоко изучать и размышлять, как повернуть подобные настроения в более конструктивное русло.

Что же касается перспектив идеологии исключительности, то ее популярность и влияние в политическом дискурсе России сохранятся и в обозримом будущем. Переходная эпоха и процесс формирования новой российской идентичности пока еще не завершились, и потому идея «особого пути», предлагающая такие простые и удобные объяснения прошлого и рецепты на будущее, будет востребована еще в течение долгого времени.

Литература

- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – 5-е изд. – СПб.: Издание Н. Страхова, 1895. – 628 с. – Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/danilevsky_russia_i_evropa_1895.pdf (Дата посещения: 14.07.2013.)
- Дугин А.Г. Основы геополитики. – М.: Арктогея, 1997. – 608 с.
- Дугин А.Г. Энергетическая геополитика. – М., 2012. – 3 июля. – Режим доступа: <http://www.geopolitica.ru/article/energeticheskaya-geopolitika> (Дата посещения: 14.07.2013.)
- Концепция «американской исключительности»: Идеология, политика, культура / Под ред. Ю.К. Мельвиля, Е.Ф. Язькова. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 304 с.
- Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. – М., 1993. – № 1–2. – С. 3–23.
- Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М., 2013. – 12 февраля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (Дата посещения: 14.07.2013.)
- Коньшиев В.Н., Сергунин А.А. Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов»? // Полис. – М., 2013. – № 2. – С. 66–78.

- Кортунов С.В.* Современная внешняя политика России: стратегия избирательной вовлеченности. – М.: ГУ-ВШЭ, 2009. – 568 с.
- Малинова О.Ю.* Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. – М.: РОССПЭН, 2009. – 190 с.
- Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в современном мире. – М.: Алгоритм, 2009. – 416 с.
- Нартов А.А.* Геополитика. – М.: ЮНИТИ, 1999. – 359 с.
- Панарин А.С.* Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО, 2003. – 416 с.
- Панарин А.С.* Я на стороне народа // *Завтра*. – М., 2002. – № 5(69), 21 мая. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/denlit/069/11.html> (Дата посещения: 14.07.2013.)
- Пантин В., Семененко И.* Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества // Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации: Сб. ст. / ИМЭМО РАН; Под ред. Лапкина В.В., Пантина В.И. – М., 2004. – С. 24–39.
- Печуров С.Л.* Концепция «англосаксонской исключительности» в американской идеологии: истоки и развитие // *США – Канада: экономика, политика, культура*. – М., 2011. – № 1. – С. 61–79.
- Письмо Максима Калашникова президенту Д. Медведеву. – М., 2009. – 15 сентября. – Режим доступа: <http://m-kalashnikov.livejournal.com/141905.html> (Дата посещения: 14.07.2013.)
- Поздняков Э.А.* Философия политики: В 2-х т. – М.: Палей, 1994. – Т. 2. – 294 с.
- Русская доктрина* / Под ред. А.Б. Кобякова, В.В. Аверьянова. – М.: Яуза-пресс, 2008. – 864 с.
- Сергеев С.* Еще раз об «особом пути» // АПН. – М., 2009. – 24 февраля. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article21359.htm> (Дата посещения: 14.07.013.)
- Сергунин А.А.* Российская внешнеполитическая мысль: проблемы национальной и международной безопасности. – Н. Новгород: Изд-во НЛГУ, 2003. – 94 с.
- Современный российский консерватизм: Идея, история, перспектива* / Под ред. А.В. Фролова. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 391 с.
- Токвиль А.* Демократия в Америке / Пер. с франц. В.П. Олейника, Е.П. Орловой, И.А. Малаховой, И.Э. Иванян, Б.Н. Ворожцова; Предисл. Г.Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
- Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. – София, 1920. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/evro_chelov.html (Дата посещения: 14.07.2013.)
- Трубецкой Н.С.* О туранском элементе в русской культуре. – Берлин, 1925. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/turan_ru.html (Дата посещения: 14.07.2013.)
- Bell D.* The end of American exceptionalism // *Public interest*. – N.Y., 1975. – Vol. 41. – P. 193–224.
- Krauthammer Ch.* Democratic realism: An American foreign policy for a unipolar world. – Washington: AEI Press, 2004. – 21 p.
- National security strategy of the United States: May 2010*. – Washington, DC: The White House, 2010. – 52 p. – Mode of access: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (Дата посещения: 14.07.2013.)

- Nye J.* Bound to lead: The changing nature of American power. – N.Y.: Basic Books, 1991. – 307 p.
- Nye J.* Soft power: The means to success in world politics. – N.Y.: Public Affairs, 2004. – 192 p.
- Pleshakov K.* Russia's mission: The third epoch // International affairs. – M., 1993. – N 1. – P. 17–26.
- Pozdnyakov E.* Russia is a great power // International affairs. – M., 1993. – N 1. – P. 3–13.
- Sergunin A.* Discussions of international relations in post-communism Russia // Communist and post-Communist studies. – Amsterdam, 2004. – Vol. 37, Is. 1. – P. 19–35.
- Stankevich S.* Toward a new «national idea» // Rethinking Russia's national interests / Ed. by S. Sestanovich. – Washington, DC: Center for strategic and international studies, 1994. – P. 24–31.
- Tsygankov A.* Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in international relation. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. – 320 p.